

РЕГРЕССИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА И ЕЕ РОЛЬ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 159.9

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-43-50>

Д. А. Севостьянов

Новосибирский государственный медицинский университет,
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: dimasev@ngs.ru

Аннотация: В статье рассматривается один из защитных механизмов человеческой психики, а именно – регрессия, с культурологической точки зрения. При анализе психологических защит следует помнить, что они способны работать против самого человека, создавая для него искаженную картину реальности. Кроме того, в процессе применения этих защит они приобретают самодовлеющее значение, защитную же роль часто утрачивают. Регрессия представляет собой возврат к детским моделям поведения. Поскольку регрессия имеет множество конкретных проявлений и принимает разнообразные обличья, она неизбежно находит отображение в культурном контексте. Так, регрессивным поведением является пьянство и сексуальная распущенность, но оба эти явления имеют и культурное значение. Регрессивное явление представляет собой и тяга к оружию, а это порождает существенные последствия для культуры. Регрессия прослеживается в том, что многие люди рассматривают автомашину не как транспортное средство, а как источник удовольствия при быстрой езде. А это также имеет значение именно как культурное явление. Наконец, огромное культурное значение имеют регрессии к переживанию нормативных возрастных кризисов, в частности, к кризисам трех и семи лет. Многие явления человеческого детства приобретают общекультурное значение именно благодаря регрессии.

Ключевые слова: психологические защиты, инверсия защит, регрессия, нормативные возрастные кризисы, культурное значение регрессии.

Для цитирования: Севостьянов Д.А. Регрессия как психологическая защита и ее роль в культурном контексте // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №2 (112). С. 43-50. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-43-50>

REGRESSION AS A PSYCHOLOGICAL DEFENSE AND ITS ROLE IN THE CULTURAL CONTEXT

СЕВОСТЬЯНОВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор философских наук, доцент кафедры педагогики и психологии Новосибирского государственного медицинского университета

SEVOSTYANOV DMITRY ANATOLEVICH – DSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Medical University

© Севостьянов Д.А., 2023

Dmitry A. Sevostyanov

Novosibirsk State Medical University,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: dimasev@ngs.ru

Abstract: The article examines one of the protective mechanisms of the human psyche, namely regression, from a cultural point of view. When analyzing psychological defenses, it should be remembered that they are able to work against the person himself, creating a distorted picture of reality for him. In addition, in the process of applying these protections, they acquire a self-sufficient value, while they often lose their protective role. Regression is a return to childhood behaviors. Since regression has many concrete manifestations and takes on a variety of guises, it inevitably finds reflection in the cultural context. Thus, drunkenness and sexual promiscuity are regressive behavior, but both of these phenomena have cultural significance. The craving for weapons is also a regressive phenomenon, and this generates significant consequences for culture. Regression can be traced in the fact that many people consider a car not as a vehicle, but as a source of pleasure when driving fast. And it also matters precisely as a cultural phenomenon. Finally, regressions to the experience of normative age crises, in particular, to the crises of three and seven years, are of great cultural importance. Many phenomena of human childhood acquire general cultural significance precisely due to regression.

Keywords: psychological defenses, inversion of defenses, regression, normative age crises, cultural significance of regression.

For citation: Sevostyanov D.A. Regression as psychological protection and its role in the cultural context. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 2 (112), pp. 43-50. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-43-50>

Введение

Одной из важнейших характеристик человеческой личности может быть названа структура и напряженность психологических защит. Исследование психологических защит личности сохраняет свою актуальность, а в отношении некоторых таких защит исследовательский интерес все возрастает. К таким защитам, как представляется, должна быть отнесена регрессия.

Значение регрессии как объекта исследования выражается как в ее распространенности, так и в богатстве ее индивидуальных проявлений. По-видимому, среди всех защитных психологических механизмов именно регрессия имеет наиболее разнообразное содержательное наполнение. Регрессия проявляется в жизнедеятельности практически всех людей, а то, как она проявляется, давно уже составляет часть человеческой культуры, важнейший аспект ее. А раз так, то данный защитный механизм непременно должен рассматриваться

не только как чисто психологическое, но и как культурное явление.

Концепция психологических защит

Что такое, вообще говоря, психологические защиты? Известный психологический словарь под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского трактует их как «специальную регулятивную систему стабилизации личности, направленную на устранение или сведение до минимума чувства тревоги, связанного с осознанием конфликта» [5, с. 121]. По существу же психологическая защита представляет собой бессознательно действующий когнитивный и поведенческий стереотип, позволяющий снизить тревогу путем изменения восприятия окружающего мира. К природе действия этого механизма следует еще вернуться.

Автором концепции психологических защит является Зигмунд Фрейд [10]. Психоналитическая концепция Зигмунда Фрейда не раз подвергалась критическим нападкам,

подчас обоснованным; однако именно эта часть его учения о человеческой личности – концепция психологических защит – вызывала наименьшее противодействие и не служила объектом для уничижительной критики. Напротив, данная концепция после смерти Фрейда получила обширное дальнейшее развитие в трудах многих авторов [1, 4]. Самым известным последователем Зигмунда Фрейда на данной стезе стала его дочь Анна Фрейд – именно ей принадлежит наиболее значимое сочинение по этому вопросу [9]. В настоящее время описано грандиозное количество всевозможных психологических защит; но роль тех защитных механизмов, которые были описаны в данной работе, не делается от этого меньше; и регрессия тут – не исключение.

Защитные механизмы и инверсия защит

Чтобы понять подлинную роль психологических защит в целом (и регрессии в частности), следует обратиться к такому важнейшему явлению, как инверсия защит. В самом деле, в человеческом организме (и в человеческой личности) действует множество разнообразных защитных механизмов, которые, однако, обладают одним неприятным свойством: все они способны действовать против своего хозяина. Объясняется это явление, в частности, тем, что эволюционное становление каждого такого механизма происходило в одних условиях, действовать же ему приходится в других. Так, в медицине львиная доля усилий врачей направлена не на противодействие причинам болезни, а на борьбу с защитными механизмами, которые, чрезмерно и неадекватно реагируя на эти причины, способны привести человека к смерти или увечью.

Например, на повреждение своих тканей организм отвечает болевой реакцией; это, несомненно, защита. Однако такая защита сама по себе способна убить организм в результате развития болевого шока. То же самое можно сказать и о защитах, носящих психологический характер: им также присуща подобная инверсия.

Если человеку, его физическому или социальному бытию, может угрожать опасность, то в предвидении этой опасности он испытывает чувство страха. Страх, таким образом, является несомненной защитной реакцией. Но человек вполне может и умереть от страха, а то, что страх часто дезорганизует деятельность человека, не подлежит никакому сомнению. В результате инверсии страх становится самостоятельным явлением, которое, в свою очередь, требуется преодолевать.

Тревога, на преодоление которой направлено действие защитных механизмов, представляет собой как раз такую, самодовлеющую, неопределенную форму страха, «генерализованный, диффузный и беспредметный страх» [5, с. 407]. Чтобы справиться с тревогой, субъект неосознанно прибегает к действию психологических защит, которые, впрочем, настолько же способны порождать инверсию своего охранительного действия, превращаясь в собственную противоположность.

Испытывая страх перед реальностью, но не будучи в силах ее изменить, субъект бессознательно меняет свое восприятие реальности, свое отношение к ней. В этом и состоит действие защит. При этом реальность все равно остается той же, что и была, и проблемы, которые угрожали субъекту прежде, никуда не исчезают. Изменяется лишь субъективная картина мира, благодаря чему тревога (тот самый всеобъемлющий, немотивированный страх) порой действительно разрешается, частично или полностью. Таким образом, психологическая защита представляет собой не что иное, как своеобразную форму самообмана, призванную подавить другой, более примитивный и более неприятный, навязчивый самообман, каковым и является тревога. А поскольку формы самообмана, связанные с действием психологических защит, носят весьма стереотипный характер, то это и позволяет нам отделять одну такую защиту от другой, а также – рассматривать каждую такую защиту не только как психологическое, но и как культурное явление.

В действии психологических защит существенно важно, что, имея по своей первоначальной природе служебный характер (как средство избавления от тревоги), психологическая защита очень скоро становится самодостаточным явлением. Отныне такая защита важна уже сама по себе, и, по сути, свою именно защитную функцию она перестает исполнять, а если и исполняет, то лишь в качестве побочного эффекта. Анализируя психологические защиты, следует постоянно помнить об этом.

Проявления регрессии

Итак, обратимся к такой психологической защите, как регрессия. Регрессия представляет собой возврат к более ранним формам поведения, к детским, ребяческим поступкам. Обусловлена такая защита, как считается, тем, что в детстве человеку было комфортно: тогда ему не приходилось принимать самостоятельных, ответственных решений, все проблемы за человека в тот период решали его родители. О ребенке заботились, его опекали, оберегали. И вот человек (не осознавая этого, как и при проявлении любой другой психологической защиты) вновь как будто возвращается в детство, обращаясь к детским поведенческим стереотипам. Эти поведенческие стереотипы, как правило, и находят свое отображение в культуре.

Одним из проявлений регрессии является пьянство. Конечно, само по себе употребление спиртных напитков детям не свойственно, здесь нет прямой аналогии. Но стремление во что бы то ни стало «здесь и теперь» получить удовольствие, несомненно, является регрессивным поведением. При этом стоит вспомнить, какое место занимает употребление алкоголя (под воздействием именно такой мотивации) в современной культуре – даже если учитывать только узко понимаемую культуру застолья и винопития и оставить в стороне все остальные культурные аспекты, связанные с употреблением алкоголя – а их немало.

Являются регрессивным поведением и беспорядочные половые связи. Разумеется,

дети таких сексуальных отношений не имеют, но в данном случае представитель противоположного пола становится чем-то вроде куклы для игры. Подобные взаимодействия полов подразумевают использование в этом качестве тела партнера (партнерши), а не любовные отношения. Отражено ли как-либо такое явление в культуре? Конечно. Одна только художественная литература, затрагивающая данную волнующую тему, составляет весьма внушительный культурный пласт. Многие именитые авторы – от А. И. Куприна до Э. М. Ремарка – отметились на этом поприще; а гетеризм, безусловно, должен рассматриваться именно как культурное явление.

Обратимся и к другим примерам. В настоящее время подавляющее большинство наших взрослых сограждан имеет собственные автомашины. Известно, что часть автовладельцев *ездит* на своих машинах; другая же часть на них *катается*. Для тех, кто на своей машине именно ездит, машина представляет собой просто транспортное средство. Для тех, кто катается, она – источник драйва, удовольствия от быстрой езды, одним словом, большая, красивая игрушка. Что ж, дети выросли, и игрушки выросли вместе с ними. Те, кто *ездит* на машинах, как правило, делают это осторожно и редко попадают в аварии; опасное вождение – прерогатива тех, кто именно *катается*. В этом, безусловно, проявляется регрессия. Для катающегося субъекта его машина мало чем отличается от игрушечной машинки в песочнице, разве что только тем, что она больше, дороже и может погубить чью-нибудь жизнь (прежде всего – его собственную). А имеет ли данный феномен – катание – отображение в культуре? Разумеется. В мировой художественной культуре огромное место уделяется удовольствию, получаемому от быстрой езды.

Несомненно, регрессивную природу имеет и та тяга, которую большинство мужчин (и изрядное количество женщин) испытывает к оружию, преимущественно боевому. Оружие вообще-то представляет собой тех-

ническое устройство, предназначенное для убийства, для того, чтобы превратить живого человека в труп. То есть у него не слишком веселая функция. Но весьма часто оружие используется в игровых целях – в точности как в детстве, когда каждый из нас непременно играл в войну с применением игрушечного оружия, весьма похожего на настоящее. Про многих людей можно сказать, что в детстве они с этим не наигрались; а современные компьютерные игры («шутеры», или «стрелялки»), в которых можно стрелять в кого угодно и сколько вздумается, предоставляют в этом отношении поистине безграничный простор. Вместе с тем нельзя не отметить, что оружие (в частности и в особенности – боевое) составляет весьма значимую часть современной культуры, и отрицать этот факт невозможно, а самому существованию этого факта мы в большой мере как раз обязаны регрессии.

Еще одна весьма интересная форма регрессивного поведения – беспричинное (или, как его называл Сергей Довлатов, «метафизическое») воровство – воровство без разумной цели. Оно имеет, по-видимому, прямую аналогию с утащенной когда-то в детстве с родительского стола конфетой. «Такое, я уверен, бывает лишь в российском государстве», – писал Довлатов [3, с. 260]. Очевидно, здесь он сильно ошибался. Так, воровство в супермаркетах – широко распространенное явление, и вовсе не только в России. Особенность этого воровства заключается в том, что украденную вещь человек, совершающий кражу, вполне мог бы купить, деньги у него на это, как правило, есть. Речь ведь не идет о том случае, когда голодный человек, не имеющий средств на пропитание, стащил булку с прилавка. Воруют вполне состоятельные граждане. Казалось бы, при таких условиях воровать, подвергаясь риску – бессмысленно. Но, как известно, «краденое слаще». Драйв, пережитый в момент кражи, осознание того, что ты совершил нечто запретное, а тебя не поймали, привлекает гораздо больше, чем само обладание украденной вещью. Это, как

нетрудно понять, сугубо регрессивное поведение. Весьма колоритно подобное воровство описано в романе американского писателя Артура Хейли «Колеса» [11], где такими кражами – от скуки и безделья – занималась жена крупного менеджера большой автомобильной компании. Будучи описанным в художественной литературе, такое воровство, безусловно, становится не только содержанием криминальной хроники, но и культурным фактом, пусть и весьма своеобразным. В то же время воровство, как таковое, являет собой неотъемлемую часть криминальной субкультуры.

Регрессия и возрастные кризисы

Рассматривая регрессию как явление, нельзя не обратиться к такой важной теме, как нормативные возрастные кризисы, которые переживает в своем развитии каждый человек. Хотя известны кризисы, присущие именно взрослым людям (скажем, «кризис среднего возраста»), основная совокупность таких кризисов относится именно к детству. Наиболее подробно и систематично эти кризисы описаны в трудах Л. С. Выготского [2, с. 947–997]. Когда реализуется регрессия, то вполне естественно, что поведение взрослого человека регрессирует не к любым, а к наиболее значимым периодам его детства, каковыми, собственно, и являются нормативные возрастные кризисы. От того, как именно пережит каждый такой кризис, зависит формирование личности, а следовательно, и дальнейшая жизнь человека.

По-видимому, наиболее значимым для развития личности является нормативный кризис трех лет. Именно в этот период закладываются наиболее важные личностные свойства субъекта. Сам по себе этот кризис едва ли мог бы рассматриваться как общекультурно значимое явление, в основном оставаясь в пределах сугубо психологического дискурса. Культурное значение данного кризиса реализуется и проявляется почти исключительно благодаря уже известному нам явлению регрессии, когда поведенческие

стереотипы, присущие этому возрасту, воспроизводятся в жизнедеятельности взрослого человека.

В чем, собственно, состоит кризис трех лет? Ребенок в этом возрасте впервые заявляет о себе именно как самостоятельная личность. Это порой неприятно для взрослых, которыми такое поведение расценивается как непослушание и капризы. В действительности же, если бы данный кризис прошел незамеченным (то есть фактически не был бы пережит ребенком), то из данного субъекта, как говорят в просторечии, получился бы «не человек, а тряпка», т. е. человек, лишенный способности и возможности проявлять собственную волю, иметь и отстаивать собственное мнение.

Симптомы кризиса трех лет хорошо известны. Первый (по-видимому, самый заметный) из них – это упрямство. Упрямство принципиально отличается от настойчивости. Настойчивый субъект упорно добивается того, чего он хочет; упрямый – продолжает стоять на своем, даже когда это уже не соответствует его интересам. Он оказывается в плену собственного мнения, ибо, если откажется от задуманного, то, как ему представляется, это чревато для него «потерей лица». В этом возрасте, к трем годам, исчезает существовавшее прежде единство желаний и деятельности; в результате ребенок может продолжать требовать того, чего на самом деле давно уже не хочет. Взрослые люди, регрессируя к трехлетнему возрасту, часто ведут себя точно так же: высказав свое мнение о чем-либо, продолжают его придерживаться даже тогда, когда это им вовсе и не нужно. «Потеря лица» оказывается для них страшнее, чем отказ от прежде обнаруженного собственного взгляда на вещи, пусть и трижды неправильного. Подобных примеров можно привести множество, причем они прослеживаются в поведении не только отдельных лиц, но и больших человеческих групп. Представленный в таком виде, преломленный в поведении взрослых людей, данный симптом становится уже

культурным явлением. Он, в частности, составляет основу массы драматических сюжетов в мировой художественной культуре; да и в обычной, повседневной жизни это вовсе не редкость.

Второй известный симптом кризиса трех лет – негативизм. Ребенок отказывается от какого-либо предложения, которое сделал ему взрослый человек, пусть и весьма соблазнительного. Уточним: ребенок отказывается от того, чего он действительно *хочет*, по одной простой причине: это предложение рассматривается им как нечто *навязанное извне*. Вот если бы данное предложение исходило не от взрослого человека, а от него самого, ребенок бы, безусловно, радостно за него ухватился. Точно так же нередко ведут себя и взрослые люди, когда регрессируют к кризису трех лет: известное выражение «без меня меня женили» – именно об этом. Человек, которому предлагается некоторое благо, отвергает его, поскольку, как он себе это представляет, ему, как личности, не дали проявить самостоятельность. Представим себе субъекта, который действительно находится, как теперь говорят, «в активном поиске», то есть занят приисканием себе будущей спутницы жизни. И вот родственники (или друзья, или знакомые) ему такую кандидатуру нашли. Кандидатура во всех отношениях замечательная, но она будет отвергнута, так как навязана извне. Другое дело, если бы этот человек ее нашел сам; иначе, при всех несомненных достоинствах, она никуда не годится. А это, несомненно, уже не только чисто психологический, но и культурный феномен.

Третий значимый симптом вышеупомянутого кризиса – строптивость. Строптивость трехлетнего ребенка состоит не в противостоянии взрослым, а в отвержении установленных другими людьми норм, правил и запретов (даже и вполне разумных). Поговорка «назло бабушке уши отморожу» – именно об этом. И здесь сохраняется все та же закономерность: пока этот симптом остается достоянием трехлетних детей, он представляет собой в основном лишь психо-

логическое явление, но когда – в результате регрессии – его же демонстрируют взрослые люди, то он превращается в явление культурное. У взрослых данное поведение часто дополняется гротеском и клоунадой, что представляет собой также регрессию, но к более позднему периоду, к кризису семи лет, когда поведение ребенка утрачивает непосредственность и становится «поведением напоказ» [7]. Данный феномен получил название «антиповедение»: это явное, нарочитое, активное отвержение всяческих норм, запретов и правил. В рамках культурологической дисциплины ему посвящена уже довольно значительная по объему литература [6; 8; 12].

Далее, симптомом кризиса трех лет является своеволие или своенравие, когда ребенок стремится делать все самостоятельно, даже если у него это пока получается плохо, отвергая помощь со стороны старших. Такое же нарочитое проявление самостоятельности можно наблюдать и в поведении взрослых людей, хотя, казалось бы, зачем это нужно – отказываться от искренне предлагаемой посторонней помощи? Данное проявление самостоятельности и здесь становится не только психологическим, но и культурным явлением.

Имеется и такой симптом кризиса трехлетнего возраста, как «симптом обесценивания». Трехлетний ребенок вдруг начинает повсюду употреблять подслушанную где-то ненормативную лексику. Он тем самым как будто пробует родителей на прочность: «запускает» заведомо шокирующую фразу и смотрит, как те на нее среагируют. Проявляется ли регрессия и в отношении этого симптома? Безусловно: многие взрослые люди напропалую употребляют непечатные слова в своей речи, и это, по существу, в основном составляет регрессию к возрасту трех лет. А использование этих табуированных слов – уже явление, несомненно, культурное (хотя и свидетельствует порой как раз о низкой культуре некоторых лиц, злоупотребляющих такой лексикой).

Наконец, еще один симптом кризиса трехлетнего возраста – ревность. В этом возрасте ребенок начинает ревновать к другим детям, если выясняется, что взрослые (родители) и им уделяют внимание. Нет нужды говорить о том, что ревность свойственна и взрослым людям, это всем известно. И именно «взрослый» вариант ревности становится, как и во всех вышеперечисленных случаях, не только психологическим, но и культурным явлением. Достаточно вспомнить, сколько литературных, сценических и кинематографических произведений посвящено проявлениям этого чувства, быть может, и не слишком желательного, но в человеческой жизни более чем реального.

Заключение

Итак, рассматривая такой защитный механизм человеческой психики, как регрессия, мы постоянно выходим за рамки собственно психологического дискурса, ибо весьма многочисленные частные проявления данной психологической защиты давно встроились в культурный контент и пребывают в нем, независимо от нашего желания. Регрессия как психологическая защита – поистине «хамелеон», она способна принимать массу разнообразных обликов, и тем самым обозначается весьма большая культурная значимость данной модели поведения. Как было показано выше, регрессирующий субъект возвращается к более ранним, детским действиям и поступкам. Конечно, и поступки детей, свойственные им особенности поведения, также имеют определенное культурное значение, но в этом случае они все же оказываются изолированными в рамках детской субкультуры. Однако в результате регрессии их действие распространяется и на поведение взрослых людей. Таким образом, подобные детские поведенческие стереотипы становятся достоянием культуры как целого, и знание этого факта в процессе культурологических исследований представляется необходимым.

Список литературы

1. Белов В. Г., Бирюкова Г. М., Федоренко В. В. Психологическая защита и ее роль в процессе формирования адаптационной системы человека // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 66–71.
2. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии // Выготский Л. С. Психология. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 892–997.
3. Довлатов С. Чегодан // С. Довлатов. Собрание прозы в 3-х томах. Том 2. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 1995. С. 245–340.
4. Долгова В. И., Кондратьева О. А. Психологическая защита. Москва: Перо, 2014. 160 с.
5. Петровский А. В., Ярошевский М. Г., ред. Психология. Словарь. Москва: Политиздат, 1990. 494 с.
6. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы как философско-антропологический тип (Исследование феномена юродства) // Вестник ТГПУ. 2007. № 11. С. 105–111.
7. Семенова Е. А. Дефектология Л. С. Выготского: мир глазами клоуна // Проблемы современного образования. 2014. № 6. С. 219–235.
8. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре древней Руси // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва: Гнозис, 1994. С. 320–332.
9. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. Москва: Педагогика, 1993. 144 с.
10. Фрейд З. Невропсихозы защиты. Критически-историческое исследовательское издание. Ижевск: Ergo, 2018. 72 с.
11. Хейли А. Колеса. Москва: Машиностроение, 1990. 464 с.
12. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре. (XI – начало XX вв.). Санкт-Петербург, 2003. С. 15–35.

*

Поступила в редакцию 12.04.2023